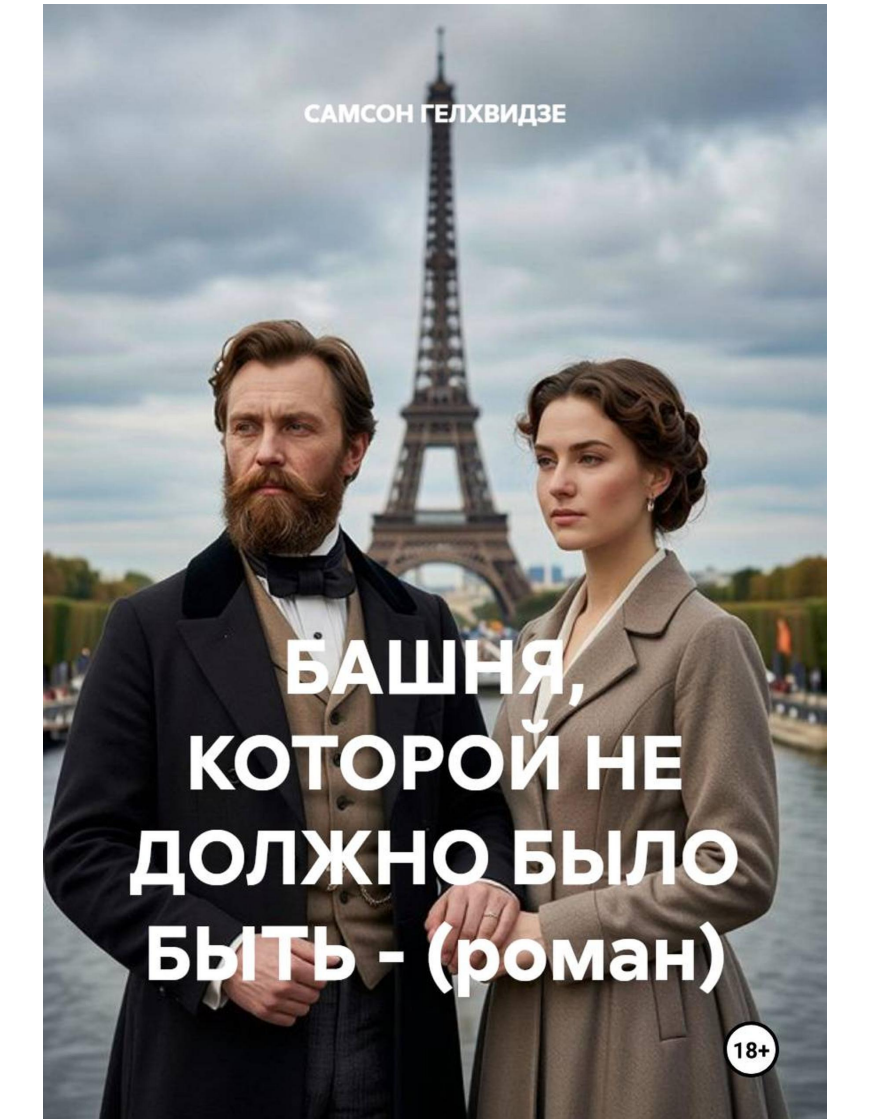

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**БАШНЯ,
КОТОРОЙ НЕ
ДОЛЖНО БЫЛО
БЫТЬ - (роман)**

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ БАШНЯ, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ - (роман)

<https://litres.ru/74491379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это произведение имеет реальный литературный потенциал. Причём не только как исторический роман о Гюставе Эйфеле. Его сильная сторона в другом: через судьбу одного инженера автор пытается рассказать о столкновении человека, идеи и общества, которое сначала смеётся над невозможным, а потом вынуждено признать его существование.

Сначала идея появилась у одних, инженер увидел в ней возможность, другой человек придал ей форму, а потом один человек рискнул поставить на неё собственное имя и деньги.

Эйфелева башня в романе постепенно превращается из инженерной конструкции в символ человеческого упрямства, одиночества, любви и веры в невозможное.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ БАШНЯ, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ - (роман)

**БАШНЯ, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ - РО-
МАН**

Пролог

В то время Париж готовился к Всемирной выставке, которая должна была открыть перед французами и многочисленными гостями из других стран картину нового века, хотя сам этот век ещё только начинал угадываться в стремительном развитии техники, промышленности и науки. Город жил своей обычной жизнью, и в этом было что-то обманчиво спокойное: по утрам над Сеной медленно рассеивался туман, на улицах появлялись первые экипажи, открывались лавки и мастерские, а над крышами домов, как и много десятилетий прежде, возвышались купола и колокольни старого Парижа. Однако за этой привычной картиной уже происходило то изменение, которое постепенно должно было коснуться каждого человека. Железные дороги сокращали расстояния между городами, машины заменяли тяжёлый ручной труд, инженеры осваивали новые материалы и создавали сооруже-

ния, ещё недавно казавшиеся несовместимыми с человеческими возможностями.

Гюстав Эйфель особенно хорошо чувствовал это изменение, потому что вся его профессиональная жизнь была связана с металлом. Он стоял у окна своего кабинета и смотрел на Париж, который в этот ранний час ещё не успел наполниться дневным шумом. Его внимание привлекало не столько то, что происходило на улицах, сколько сам город, его линии и пропорции, то, как старые здания, мосты и набережные постепенно приобретали новое соседство с сооружениями, в которых всё большую роль играло железо. В этих конструкциях не было привычной для архитектуры тяжести камня, и всё же они обладали собственной красотой, возникшей не из украшений, а из точности расчёта и соответствия каждой детали её назначению.

На письменном столе перед ним лежали чертежи. Эйфель несколько раз просматривал их за последние дни, но теперь снова разложил перед собой отдельные листы и долго сравнивал размеры, углы и расчёты. Он привык относиться к своим проектам без той восторженности, которая часто сопровождает большие замыслы в самом начале. Инженер, если он действительно отвечает за своё дело, не может позволить себе влюбиться в идею настолько, чтобы перестать замечать её слабые места. Прежде чем сооружение поднимется над землёй, оно должно выдержать испытание на бумаге, и именно поэтому Эйфель возвращался к одним и тем же расчётам

снова и снова.

Но теперь речь шла не об очередном мосте и не о промышленном сооружении.

Перед ним находился проект башни, высота которой должна была достигнуть трёхсот метров.

Эта цифра сама по себе ещё ничего не доказывала, и Эйфель это прекрасно понимал. Для него триста метров означали не смелую мечту, а множество конкретных вопросов, на каждый из которых требовался точный ответ. Как распределится собственный вес конструкции? Как поведёт себя металл под воздействием ветра? Каким образом следует устроить опоры, чтобы они выдерживали огромную нагрузку? Как соединить тысячи отдельных деталей так, чтобы вся конструкция стала единой системой и при этом сохранила необходимую гибкость?

Он знал ответы на многие из этих вопросов и продолжал искать ответы на остальные.

И всё же, как инженер, он понимал не только техническую сторону своего замысла. Башня должна была появиться не где-нибудь в стороне от города, а в самом Париже, среди зданий, которые уже обладали собственной историей и значением. Она неизбежно изменила бы привычный вид города, и потому спор вокруг неё был бы не только спором инженеров. В нём неизбежно должны были участвовать архитекторы, художники, писатели, политики и просто парижане, каждый из которых имел право спросить, зачем городу сооруже-

ние такой высоты.

Эйфель уже слышал этот вопрос.

Он понимал и другое: убедить людей одними чертежами будет почти невозможно. Пока башня существовала только на бумаге, каждый мог считать её нелепой, опасной или ненужной. Только построенное сооружение могло окончательно ответить на вопрос о его осуществимости.

Он подошёл к окну и снова посмотрел на Париж. Город был прекрасен и без этой башни, и именно поэтому замысел казался ему самому особенно ответственным. Парижу не требовалось новое украшение, которое должно было заменить старое; он не нуждался в том, чтобы кто-нибудь доказывал его величие. Эйфель предлагал другое: не разрушить привычный Париж и не скрыть его прошлое, а показать, что у города, сохранившего свою историю, может появиться будущее, созданное уже из другого материала и по другим инженерным законам.

Он ещё не знал, как отнесутся к этому парижане.

Не знал, сколько противников появится у проекта и насколько ожесточёнными окажутся споры. Он не мог знать и того, что некоторые люди, которых сегодня уважали как представителей французской культуры, будут воспринимать его замысел как угрозу самому облику Парижа. Всё это было ещё впереди.

Пока существовал только проект.

Эйфель вернулся к столу и снова склонился над чертежа-

ми. Он провёл карандашом вдоль одной из линий, проверяя её положение относительно соседней, затем сделал небольшую пометку возле расчёта, который уже несколько раз пересматривал. Работа требовала сосредоточенности, и он настолько ушёл в неё, что не сразу услышал шаги за дверью.

Когда раздался стук, Эйфель поднял голову.

— Войдите.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл его секретарь.

— Вас ожидают, господин Эйфель.

Эйфель посмотрел на часы, затем на разложенные перед ним чертежи.

— Хорошо. Я сейчас выйду.

Секретарь удалился, а Эйфель ещё некоторое время оставался у стола. Он собрал листы, выровнял их края и положил сверху тот чертёж, на котором были изображены четыре главные опоры будущей башни. Несколько секунд он смотрел на рисунок, словно пытался представить себе то, чего ещё не существовало, а затем убрал бумаги в папку.

Когда он вышел из кабинета, Париж уже начинал наполняться обычным дневным шумом.

Никто на улице не обращал внимания на человека, который только что прошёл через дверь одного из парижских домов. Никто не мог знать, что в его папке находится проект сооружения, которому ещё предстояло вызвать один из самых известных архитектурных споров своего времени и которое спустя несколько лет станет неотделимой частью то-

го самого города, которому сегодня было совершенно достаточно его старого облика.

Эйфель тоже этого не знал.

Он знал только то, что проект должен быть доведён до конца, если расчёты подтвердят его осуществимость. Всё остальное зависело уже не от одного человека.

I. ЧЕЛОВЕК И МЕТАЛЛ

1. Дижонский мальчик

Чтобы понять, откуда у Эйфеля появилась эта уверенность в возможностях металла и почему именно инженерное дело стало для него не просто профессией, но способом смотреть на окружающий мир, нужно вернуться на несколько десятилетий назад, в Дижон, где в 1832 году родился человек, которому ещё предстояло стать одним из наиболее известных инженеров своей эпохи.

Его детство не было похоже на начало великой биографии. В семье не существовало какого-нибудь особого предания о будущем знаменитом инженере, а сам Гюстав, конечно, не мог знать, какую роль ему предстоит сыграть в истории архитектуры и техники. Он рос обычным мальчиком, наблюдал за взрослыми, учился, привыкал к порядку семейной жизни и постепенно открывал для себя окружающий мир.

Его мать, Екатерина-Мелани, была женщиной деятельной и практичной. Именно она в значительной степени занималась семейными делами и обладала тем характером, который позволял ей принимать решения и доводить начатое до кон-

ца. Гюстав рано привык видеть рядом с собой человека, для которого работа не была неприятной обязанностью, от которой хотелось поскорее избавиться. В доме ценили настойчивость, аккуратность и умение самостоятельно заниматься делом, если оно было тебе поручено.

В детстве будущего инженера не было ничего необычного в том, что он мог долго рассматривать какой-нибудь предмет, пытаясь понять его устройство. Для окружающих подобная привычка могла казаться простой задумчивостью, однако со временем она стала одной из особенностей его характера. Его интересовало не только то, что вещь существует, но и причина, по которой она имеет именно такую форму и каким образом отдельные части соединяются между собой.

Позднее это качество станет профессиональным навыком инженера. Но тогда он был ещё ребёнком и, разумеется, не мог выразить словами то, что постепенно формировалось в его сознании.

Он просто учился смотреть.

И чем старше становился, тем чаще замечал то, мимо чего другие проходили не задумываясь.

Европа в это время быстро менялась. Железные дороги распространялись по странам, промышленность становилась важнейшей частью экономики, а инженеры всё чаще сталкивались с задачами, которые нельзя было решить только привычными строительными приёмами. Металл постепенно переставал быть вспомогательным материалом и становился

основой крупных сооружений.

Для человека, которому с детства было интересно устройство вещей, эта перемена не могла остаться незамеченной.

Однако до неё ещё нужно было дожить.

Сначала Гюставу предстояло получить образование, пережить первые разочарования, найти своё настоящее призвание и сделать первые профессиональные шаги. Только после этого он сможет понять, что металл, который другие видели лишь как материал, способен стать языком совершенно новой архитектуры.

До Парижа было ещё далеко. До башни — ещё дальше.

Глава 1. Дижонский мальчик

В Дижоне, старой столице Бургундии, где камень домов хранил прохладу даже в летний день, а за городскими улицами начиналась земля, на которой виноградная лоза была частью не только хозяйства, но и самого уклада жизни, 15 декабря 1832 года родился мальчик, которому предстояло однажды изменить силуэт Парижа. В то время никто, разумеется, не мог знать этого, да и сам Париж был для него ещё не городом будущей славы, а далёким местом, куда нужно было когда-нибудь уехать, если жизнь потребует от него большего, чем мог дать родной Дижон.

Его называли Гюставом. Полное имя — Александр Гюстав Эйфель. Фамилия, под которой он войдёт в историю, тогда ещё не была окончательной семейной формой имени: семья происходила из Рейнской области, носила немецкую фами-

лию Бённикхаузен, а название «Эйфель», связанное с горным массивом в районе происхождения предков, постепенно стало употребляться как фамилия и было официально закреплено лишь много лет спустя. Но мальчику, конечно, было всё равно, как будет написана фамилия в документах будущего. Его интересовал тот мир, который находился непосредственно перед ним: дом, улица, школа, голос матери, запах угля и дерева, лица взрослых, от которых зависела жизнь семьи.

Его мать, Катрин-Мелани Монёз, была женщиной деятельной и практичной. Она занималась торговлей углём, и это обстоятельство имело для будущего инженера значение, которое трудно переоценить, если смотреть на его детство не глазами человека, уже знающего историю, а глазами самого мальчика. Уголь был не отвлечённым словом из будущего учебника промышленности. Он существовал рядом, в делах взрослых, в разговорах, в товарах, в запахе складов, в понимании того, что за каждым материалом стоит труд, деньги, перевозка и человек, который должен суметь этим всем распорядиться.

Возможно, именно поэтому в характере Гюстава довольно рано появилось то сочетание практического ума и внутреннего любопытства, которое позднее станет одной из главных черт его инженерной натуры. Он не был человеком, который довольствуется тем, что видит поверхность вещи. Ему необходимо было понять, каким образом она держится, почему

не падает, где проходит граница её прочности и что произойдёт, если эту границу отодвинуть.

Но в детстве подобные вопросы ещё не имели отношения к инженерии. Ребёнок просто смотрит на окружающий мир и постепенно учится различать в нём порядок.

Дижон был достаточно велик, чтобы дать ему первое ощущение самостоятельного мира, и достаточно мал, чтобы многое в нём было знакомо. Здесь люди знали друг друга, знали семьи, знали, чем занимается сосед, кому принадлежит дом, кто преуспел, кто разорился, кто уехал и кто вернулся. Для мальчика из такой среды Париж должен был казаться не просто большим городом, а совершенно иной жизнью.

Учился Гюстав в Дижонском лицее, где получил образование, необходимое для дальнейшего пути. В юности он проявлял способности прежде всего к точным дисциплинам, хотя человеком безмятежно прилежным его назвать было бы трудно. Официальная биография Эйфеля отмечает в нём энергичность, живость и некоторую недисциплинированность. В этом нет ничего удивительного: человек, которому впоследствии придётся руководить огромными коллективами и принимать решения, от которых будет зависеть судьба сложнейших сооружений, далеко не всегда формируется как идеальный ученик, аккуратно выполняющий всё, что от него требуется.

Он получил степень бакалавра и в 1850 году отправился в Париж, чтобы продолжить образование. Перед ним от-

крывалась дорога, которой он сам ещё не мог представить до конца. Сначала он пытался поступить в Политехническую школу, но не прошёл конкурс и поступил в Центральную школу искусств и мануфактур — École Centrale des Arts et Manufactures.

Это решение, которое в дальнейшем окажется для него судьбоносным, в тот момент вовсе не выглядело началом великой биографии. Париж был огромен, дорог и шумен. Молодой провинциал оказался в городе, где каждый день сталкивались люди, идеи, капиталы, политические амбиции и новые машины. Франция быстро менялась, а вместе с ней менялось само представление о том, что способен сделать человек, если соединить научное знание с промышленностью.

Гюставу было восемнадцать.

До башни оставалось почти сорок лет.

Но между мальчиком из Дижона и человеком, чьё имя однажды станет частью парижского неба, должна была пролечь совсем другая дорога: через железные дороги, мосты, заводы, расчёты, деньги, ошибки, чужое недоверие и огромный труд.

В Центральной школе он изучал то, что позднее станет языком всей его жизни: математику, физику, химию, механику и технические дисциплины, связанные с промышленностью. В 1855 году он окончил школу и получил инженерное образование. В тот же год Париж принимал первую Всемирную выставку, демонстрируя миру машины,

изделия промышленности и ту новую уверенность Европы в собственных технических возможностях, которая спустя несколько десятилетий позволит кому-то впервые всерьёз задуматься о сооружении высотой в триста метров.

Сам Эйфель в то время ещё не думал о трёхстах метрах.

Более того, первоначально его профессиональная дорога могла сложиться совсем иначе. Он интересовался химической промышленностью, а семейные связи позволяли рассчитывать на работу в этом направлении. Но обстоятельства изменились, и после окончания Центральной школы он оказался связан с инженером и предпринимателем Шарлем Непвё, занимавшимся паровыми машинами и железнодорожным оборудованием. Именно здесь молодой инженер начал приближаться к той области, которая станет его настоящей судьбой, — к металлическим конструкциям и строительству.

Железная дорога была тогда не просто видом транспорта. Она меняла пространство Франции. Там, где раньше дорога зависела от рельефа, погоды и возможностей лошади, теперь требовались мосты, виадуки, станции, металлические конструкции, способные переносить нагрузки, каких прежде строительная практика почти не знала.

Для инженера наступало время, когда расчёт переставал быть только расчётом на бумаге.

Его нужно было проверить металлом.

И именно металл постепенно стал для Эйфеля тем ма-

териалом, через который он научился разговаривать с пространством.

Глава 2. Женщина, которую выбрала мать

К тому времени, когда Гюстав начал входить в профессиональную жизнь, он уже успел привыкнуть к мысли, что будущее человека строится прежде всего его собственными решениями. Однако семья имела на этот счёт другое мнение.

В 1862 году, когда Эйфелю исполнилось тридцать лет, он женился в Дижоне на Марии Годеле, девушке из хорошей бургундской семьи. В официальных материалах Эйфелевой башни её имя иногда передаётся как Маргарита Годеле; в источниках встречаются различия в написании, поэтому в окончательной редакции романа это имя мы ещё раз проверим по архивным документам. Существенно другое: этот брак был не случайным эпизодом в жизни инженера, а началом семейного мира, который спустя пятнадцать лет оборвётся слишком рано.

Скорее всего, Мария не могла тогда знать, насколько мало свободного места в жизни её будущего мужа будет занимать семейный покой. И Гюстав, вероятно, тоже не представлял этого.

Он уже принадлежал работе.

Пока ещё не той огромной работе, которая заставляла бы газеты спорить о его имени и заставляла бы Париж смотреть вверх, но уже той, что требовала постоянного движения, поездок, расчётов, переговоров и присутствия там, где строи-

лось сооружение.

Молодой инженер быстро понял простую вещь: металлическая конструкция не прощает приблизительности.

Можно ошибиться в разговоре и исправить сказанное. Можно отложить письмо. Можно перенести встречу. Но если металлическая деталь изготовлена неверно, ошибка уже находится внутри сооружения и однажды потребует расплаты.

Эта привычка к точности постепенно распространялась и на его характер.

Мария видела дома не только человека, занятого работой. Перед ней был муж, который должен был научиться возвращаться домой не телом одним, а вниманием. Но работа становилась всё серьезнее. В 1864 году Эйфель начал самостоятельную деятельность как инженер-консультант и строитель, а вскоре создал собственную компанию, специализировавшуюся на металлических конструкциях.

Теперь он уже не просто выполнял чужие распоряжения. Он отвечал за собственное имя.

А собственное имя в инженерном деле стоило дорого: его нужно было подтверждать каждым мостом, каждой деталью, каждым сроком и каждой суммой, доверенной ему заказчиком.

В семье тем временем появлялись дети.

Первой родилась Клэр, затем Лора, Эдуард, Валентина и, в 1873 году, младший Альбер. Пятеро детей должны были стать для Эйфеля не приложением к биографии инженера,

а отдельным миром, который потребует от него того же, чего требовало строительство: присутствия, ответственности и способности держать на себе больше, чем хотелось бы.

Однако жизнь уже начинала разводить эти два мира — дом и работу — в разные стороны.

Пока Эйфель строил мосты и укреплял своё положение среди французских инженеров и предпринимателей, его семья оставалась той точкой, куда он возвращался после поездок. Впоследствии расстояния станут ещё больше. Португалия, Испания, Венгрия, другие страны и многочисленные строительные площадки будут отнимать у него недели и месяцы.

Но пока дети были маленькими, а Мария была рядом, у него ещё сохранялось ощущение, что жизнь можно удерживать одновременно в нескольких руках.

Он ещё не знал, как быстро это ощущение исчезнет.

И, быть может, именно поэтому годы семейного счастья позднее будут казаться ему особенно короткими.

Глава 3. Первый мост

В 1856 году молодой инженер получил работу у Шарля Непвё, а вскоре оказался связан со строительством железнодорожного моста через Гаронну в Бордо. К двадцати шести годам ему уже доверили руководство строительной площадкой — ответственность необычная для человека столь молодого, особенно если учесть масштаб сооружения и сложность работ.

Бордо встретил его не как учебная аудитория.

Здесь нельзя было ограничиться правильным ответом в тетради. Река текла независимо от чертежей, грунт сопротивлялся расчётам, рабочие ждали распоряжений, поставщики задерживали материалы, а любая ошибка превращалась в потерянное время и деньги.

Эйфель впервые получил возможность проверить себя там, где инженерная мысль должна была стать действием.

Он оказался среди людей старше себя, многие из которых имели гораздо больший практический опыт. И ему пришлось не доказывать, что он образован, а заставить других поверить в то, что ему можно доверять.

Это было, пожалуй, важнее любого диплома.

На строительной площадке человек очень быстро обнаруживает цену авторитета. Его нельзя получить одним приказом. Рабочие должны понимать, что руководитель знает, чего требует от них; подрядчики должны видеть, что он способен отвечать за принятое решение; инженеры — что его расчёт выдерживает проверку действительностью.

Эйфель учился этому не в один день.

Он наблюдал, спрашивал, спорил, проверял. И постепенно становился тем руководителем, которым его позже будут знать тысячи людей.

С Бордо началась не история башни.

Началась история человека, который однажды решит, что высота может быть рассчитана.

Позднее он будет строить виадуки, станции, мосты и металлические конструкции в разных странах. Его компания будет специализироваться на сборных металлических сооружениях, а имя Эйфеля станет всё заметнее в инженерной Европе. Среди его крупных работ появятся виадуки на Си-уле, сооружения в Португалии, знаменитый виадук Гараби и многие другие конструкции.

Но для самого Эйфеля всё это, вероятно, складывалось не в историю успеха, а в одну длинную школу.

Каждый мост чему-то его учил.

Каждая ошибка заставляла точнее проверять следующий расчёт.

Каждый новый пролёт давал возможность понять, как металл ведёт себя там, где человек уже не может полагаться только на интуицию.

И постепенно в его сознании возникала особая уверенность: металл не был врагом природы. Он мог работать вместе с ней, если инженер понимал её законы.

Эта мысль станет одной из ключевых в его будущем проекте.

Но до него ещё оставались годы.

А пока в доме Эйфеля росли дети, Мария старалась удерживать семейную жизнь, а сам Гюстав всё чаще уезжал туда, где его ждали очередные чертежи и строительные площадки.

И однажды ему предстояло обнаружить, что у любой высоты есть цена.

Не только инженерная, но и человеческая.

Глава 4. Цена высоты

Успех пришёл к Эйфелю не сразу и не в том виде, в каком позднее будет представляться людям, привыкшим смотреть на его жизнь из конца, от уже построенной башни. В конце концов, история любит делать человека цельным задним числом: если известно, кем он стал, кажется, будто всё предшествующее неизбежно вело именно к этому. На самом деле молодой инженер не знал ни своей будущей славы, ни того, какое место займёт его имя в истории. Он просто брался за одну работу после другой и старался выполнить каждую так, чтобы следующая оказалась сложнее предыдущей.

После Бордо перед ним открылись дороги, которые в буквальном смысле раздвигали привычные границы профессии. Железнодорожное строительство быстро развивалось, а вместе с ним рос спрос на металлические мосты и виадуки. Для Эйфеля это было время, когда собственное предприятие постепенно переставало быть смелой затеей молодого инженера и становилось серьёзной компанией.

В 1866 году он окончательно вышел на самостоятельный путь, а годом позже основал собственное предприятие. Его интересовал не только расчёт конструкции, но и весь процесс её создания: изготовление деталей, организация производства, доставка, сборка, контроль качества и, наконец, ответственность перед заказчиком. Именно это соединение инженерного мышления с предпринимательским талантом

позднее позволит ему взяться за сооружения, от которых другие инженеры предпочтут держаться подальше.

Эйфель всё меньше напоминал кабинетного специалиста. Ему необходимо было знать, как устроен завод, как разговаривать с рабочими, как вести переговоры с заказчиками и как рассчитывать не только прочность металла, но и стоимость собственного риска. Он довольно рано понял, что большая инженерия начинается там, где заканчивается возможность отделить чертёж от денег, производство от сроков, а техническое решение от человеческого характера тех, кто должен это решение осуществить.

В этом отношении его предприятие было похоже на самую будущую башню задолго до того, как башня появилась на свете. В нём уже соединялись разные силы, которые по отдельности ничего не значили бы: точность инженера, дисциплина производства, способность убеждать людей и готовность принять на себя ответственность за результат.

В семье тем временем становилось всё больше голосов.

Клэр, родившаяся в августе 1863 года, росла старшей среди детей. За ней появились Лора, Эдуар, Валентина и Альбер, младший, родившийся в 1873 году. Дети ещё не могли понимать, почему отец так часто бывает занят и почему его внимание то и дело уходит от семейного стола к письмам, чертежам и деловым разговорам. Для них он был прежде всего отцом, который иногда возвращался домой уставшим, иногда привозил новости из далёких мест и почти всегда ду-

мал о чём-то, что находилось за пределами комнаты.

Маргарита старалась сохранять вокруг детей нормальную жизнь.

Эйфель строил мосты, а дома росли дети. Работа требовала его всё больше, но семья ещё оставалась для него не воспоминанием о прошлом, а настоящим.

В 1870-х годах его предприятие получило уже международный размах. Металлические конструкции, созданные его инженерами, появлялись во Франции и за её пределами. В Португалии Эйфель работал над крупными мостами через Дору, в других странах его предприятие выполняло проекты, связанные с железными дорогами и металлическими сооружениями. Особое место занял виадук Мария-Пиа в Порту, построенный через глубокую долину реки Дору и ставший одним из наиболее известных инженерных достижений Эйфеля до появления башни. Его конструктивная смелость была основана не на желании произвести эффект, а на поиске формы, которая позволяла бы металлу выполнять свою работу.

Это было важнейшее открытие его профессиональной жизни. Высота сама по себе ничего не значила; значение имело то, каким образом сооружение переносит собственный вес, нагрузку, ветер, движение людей, изменения температуры и все те силы, которые человеческий глаз не замечает, пока конструкция ведёт себя правильно.

Эйфель всё чаще думал именно об этих невидимых силах.

Он мог часами рассматривать готовую конструкцию и видеть в ней не только металл, но и направление напряжений, распределение веса, места, где одна деталь поддерживает другую. Его взгляд постепенно становился взглядом человека, который воспринимает пространство не как пустоту между предметами, а как среду, в которой действуют силы.

Пока другие могли видеть в мосту переправу через реку, инженер видел систему.

И чем больше становились сооружения, тем увереннее он чувствовал себя внутри этой системы.

Однако в личной жизни происходило нечто совершенно иное.

Маргарита была молода. Ей не было ещё тридцати пяти, когда здоровье начало подводить её. Она не могла знать, сколько времени ей осталось, и, вероятно, окружающие тоже не хотели думать о худшем. В доме по-прежнему были дети, дела, письма, визиты, планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.